

ПЕРСОНА

Много в Сашке из "Дальнобойщиков" от Владислава Галкина — вы меняли сценарий под себя или себя под Сашку?

— Сценарий был написан, как казалось авторам, остроумно — Сашок трахал практически все, что движется. Не было ни одной серии без пошлости. Мы все это убрали и пытались выводить на человеческие истории. Самая трудная серия оказалась с армянами — с жуткой сценой, написанной тяжело и страшно, потому что в ней поднимался национальный вопрос. А ведь если не знаешь ответа, то и не стоит его и ставить. И мы решили идти по одному-единственному пути — по пути порядочности. Не в обиду будет сказано Юрию Кузьменко, который снимал "Дальнобойщиков", но получилась не чисто режиссерская работа, а коллективное творчество, мы очень часто какие-то вещи делали с Володей Гостюхиным сами... Кстати, уникальность "Дальнобойщиков" в том, что все снималось в одном месте, под Волоколамском.

— Жили там же или все-таки дома?
— И там, и там. Параллельно я делал ремонт в квартире у тещи. Но это тяжело — после 12—16 часов работы мотаться в Москву.

— И, конечно, сам за рулем?

— Да. Причем езжу я очень быстро и достаточно агрессивно. Со мной даже садиться в машину многие боятся. Но у меня есть закон, который я сам для себя сформулировал: можно ездить как угодно — не нарушать правила дорожного движения в Москве нереально, главное — никому не мешать и не вызывать раздражения. Я люблю ездить, за рулем я отдыхаю. Даже почти в бессознательном состоянии садишься за руль — и это действует как наркотик.

— А в кадре вы сами за рулем? Вот, скажем, в знаменитом "Такси" специально даже руль переставляли, чтобы гонщик вел, а артист за руль только держался.

— У нас вышла другая ситуация. Володя практически не водит машину, хотя долго советовался со мной, какую ему покупать (в итоге выбрал "Волгу"). Но за руль он все равно почти не садится, тем более — грузовик. Да и в "Дальнобойщиках" диалоги в машине снимали так: кабина стояла на платформе и ее возили — иначе не снимешь. А я вожу практически все, что движется.

— Даже самолет?

— И самолет. Началось с того, что мне как-то предложили: пойдём полетаем. Есть такой спортивно-тренировочный самолет "Як-52". Летим, и вдруг инструктор говорит "сажаем" и опускает

Его любимые слова: категорически, очень, бешеный. Говорит как рубит. Курит не оставаясь. Кофе пьет не замечая. Притом вид имеет не изможденный, а, наоборот, здорового такого нормального мужика, который и в атаку, если что, и за которым как за каменной стеной. В общем, глыба, а не человечество — весь из одного крепкого материала. Несмотря на то что всего 31.

Галкин — настоящий герой. Чуть-чуть — и точно им станет. Ему бы ролей настоящих мужчин побольше и научиться на женщин смотреть со значением — и вот он, герой нашего времени. Ниша Николая Еременко до сих пор никем не занята. Пора, пора Владу Галкину из "Спецназа" и "Дальнобойщиков" на большую дорогу выбираться.

УДОМАШНИЙ

Владислав Галкин:

"Ты садишься за руль — и это действует как наркотик"

"ДАЛЬНОБОЙЩИК".

руки. Ну я посадил, конечно... А потом уже пошло — взлет-посадка, взлет-посадка. Разумеется, я не могу сказать, что сейчас сяду и сразу полечу. Но если позаниматься немного, тогда — да. Вот вертолет гораздо опаснее штука — там сложнее скоординировать действия. Но и на вертолете мне очень понравилось.

— Если у вас джип, зачем вам самолет, вертолет понадобятся? Экстрима не хватает?

— Это интересно. Я не люблю догадываться, я люблю знать. А джипы я люблю — уже лет семь-восемь езжу на джипе. Я пересел сейчас на "Чероки" с безумным количеством лошадиных сил. В нем и чувствуешь себя по-другому: ты чуть выше, и обзор гораздо лучше.

— И каков водительский стаж?

— Первая машина у меня появилась в 15 лет — такая "лохматая" "копейка" синего ядерного цвета. На ней не работал ни один прибор, но летала как угорелая, у нее стоял итальянский двигатель. Когда гаишники останавливали и говорили: вы превысили скорость, идете сто сорок в час, я отвечал: мол, посмотрите на нее, да она ж больше восьмидесяти не выжмет. Они отвечали: ну вообще да...

— А как же с правами в 15 лет?

— Ну у меня были какие-то юношеские права, когда можно только со взрослым... Но я чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что все люди — люди, с ними нужно только уметь разговаривать.

— Жена тоже за рулем?

— Дашка, конечно, ездит, но... я за нее боюсь. Она мне, правда, недавно сказала: "Как ты, я не научусь никогда, а как они (показала пальцем на соседний ряд машин) — мне не хочется". И я немало успокоился и подумал, что надо нанять для нее водителя. Как говорит моя мама: "Лучшая машина — это такси". Боюсь же, что ее кто-то обидит на дороге, — вот что самое страшное.

— За себя никогда не боитесь?

— Я испугался единственный раз в жизни. Когда первый раз полез в воду с аквалангом, увлекся и забыл посмотреть на прибор, который показывает, сколько кислорода осталось. И у меня на глубине кончился кислород. Причем он кончается внезапно. Если б я знал, хотя бы воздуха набрал в легкие. А тут выдохнул — и все, дышать нечем. Глубина — 12 метров. Ну ничего, всплыл — хватил ума отсоединить груз. Но вылез, взял другой акваланг — и снова в воду... Потом мне приснилось, что у меня кончается воздух. Я все хочу попробовать. Меня начинает бесить, когда у меня что-то не получается. Пока не смогу, не остановлюсь.

— А выучить китайский язык?

— Ну даже затевать не буду. (Смеется.) С одной стороны, уже пора бы ремонт в квартире закончить. С другой — страшно даже: а дальше что? Хочется, чтоб постоянно шел процесс. Бабушка говорила фразу, с которой я вырос: "Лучший отдых — смена вида деятельности". Так оно и есть. Устал копать — иди забор поправь. Как в бодибилдинге — сначала одну группу мышц качаешь, потом другую, чтоб не надоедало.

— Вы занимались?

— Я занимался в свое время достаточно серьезно боксом, и нам категорически запрещали качаться, потому что, когда наращиваешь мышечную массу, вылетаешь из категории. Я воду люблю — могу из нее не вылезать часами и плавать на бешеные расстояния. Я и сейчас нечасто в тренажерный зал хожу — если день-два серьезно занимаюсь, меня раздувает так, что я вообще ни во что не влезаю...

— Вы заговорили о ремонте — неужели тоже все сами? Ведь вы все время снимаетесь, причем вдали от дома.

— Для меня дом имеет огромное значение, я не ковчег и очень устаю, когда меня долго нет дома. Я абсолютно домашний человек. У меня огромная квартира — более 110 метров. Непроницаемые окна, полумрак. Там есть одна стена, отделяющая гостиную-кухню от спальни. И огромная ванная, в которой можно жить. А что касается ремонта — есть какие-то вещи, в которых Дашка не понимает и не суется, мне на откуп отдает. Я сам его не делаю, разумеется, но все идеи — мои, потому что донести до чужого человека свое желание просто невозможно. И потом так сложилось, что по мамини линии я такая творческая личность. Что касается деда, он один из основателей Бородинской панорамы. А все это близко — актерская профессия, хирург, скульптор — у всех абсолютно интимный процесс. Мне кажется, что здесь очень много общего. Потом я очень люблю делать что-то руками и тешу себя надеждой, что у меня неплохо получается. Сейчас меньше, раньше чаще получалось.

Что именно? Ну режу что-то из дерева.

— Вы таким образом стресс снимаете? Как вообще — вы можете себе позволить, если депрессия или что-то в жизни произошло, отказаться от работы?

— Все, что происходит в твоей жизни, — происходит в твоей жизни: находишь ты в себе силы переживать внутри, не находишь — твоя проблема. Никто никогда не будет принимать участия в твоих проблемах. Могут спросить: как дела? И все. И приходится с воспалением легких сниматься...

— А у вас такое было?

— Конечно — "По ту сторону волков", последние две недели, причем в совершенно замерзающем состоянии, поскольку даже в гостинице нельзя было согреться. Вернулся в Москву — слег. Это я еще идиот, мог взять больничный, не последняя ж картина в жизни. Но я на том стою и никогда не буду другим. Понимаю, что люди ждут, снег уходит. И есть плюс — ты знаешь, что в данной ситуации тебе не в чем себя упрекнуть.

— Вы хотите быть идеальным?

— Нет. Во-первых, это невозможно. Во-вторых, это абсурдно. На самом деле я очень тяжелый человек. И то, что мы с Дашей вместе и у нас есть точки соприкосновения, — для меня это...

Я не представляю, где она берет силы меня терпеть. Бытует мнение, что два артиста в доме — чудовищно, каждый тянет одеяло на себя. Мы каким-то образом этого лишены. Есть момент исповедальный друг другу. Если взять поговорку "любовная лодка разбилась о быт" — я ее никогда не мог понять. Когда люди начинают на полном серьезе ругаться — кто моет посуду, кто выносит мусор, меня это веселит.

— Конечно, можно же нанять помощницу по хозяйству, которая все это сделает.

— Зачем? У нищих слуг нет — другая поговорка, которую я люблю. Дело не в этом. Просто никто никому ничем не обязан.

— То есть можете помыть посуду?

— Я это и делаю. И есть же машина, которая это делает. Есть стиральная машина. Если нет, легкая вещь может постирать женщина, а джинсы, например, — мужчина. И нет проблемы. Какая проблема вымыть посуду, какая проблема вынести ведро? Вот когда человек начинает об этом задумываться — тогда это и становится проблемой. И потом я очень люблю готовить — не по рецептам, а у меня есть свой творческий процесс, и такое варено получается! Скажем, мясо с овощами!.. Или Дашка приехала — она снималась в картине о Чайковском недалеко от Орла — и привезла мешок белых грибов. Часть мы пожарили, а утром сварили грибную похлебку — вот это счастье, и почему должно быть по-другому? Мне в кайф, когда я ее сажаю за стол, а она мне говорит: как вкусно, как здорово.

— Даша не любит готовить?

— Нет, сейчас уже любит. Просто я это делаю лучше...

— Вы говорите, что домашний, а как же друзья, мужские посиделки?

— Сложная штука — друзья. Достаточно давно я понял, что друзья — это семья. Считается, что родственники — далеко не всегда близкие люди. Но когда удается — крепче дружбы быть не может. Мой друг — это моя мама, моя жена, мой отец. Друг — человек, который или всегда рядом, или рядом тогда, когда он тебе нужен. Все остальное — какие-то приятельско-товарищеские отношения.

— Жена для вас прежде всего друг?

— Безусловно.

— Вы считаете, что лучше, когда жена становится другом?

— А если совпадает все вместе — и друг, и любовница, и товарищ, и жена?.. И это — фантастика. Главное, что дают тебе человеческие отношения, — надежное ощущение тыла. Это жизненно необходимо. Все мы живем в этом городе, и при том уровне накала страстей, который есть и в вашей, и в нашей профессиях, воздух пропитан интригой. И когда ты понимаешь, что на фоне всего этого у тебя есть тыл, что ты защищен, — это очень важно.

— Вы открытый человек?

— Я закрытый человек — и это касается всех, кроме жены.

— Неужели и от нее у вас нет потаенных уголков?

— С ней я предельно открыт и честен. Хотя она привыкла, что я — человек настроения, и оно может меняться по многу раз на день. И иногда от этого страдают окружающие. Что, конечно, не касается профессиональной деятельности, я не имею на это права: площадка есть площадка — зона табу. Так же, как держать себя в форме, — даже не обсуждается, это необходимость.

— А как же звездные капризы?

— Капризы могут быть оправданными или неоправданными. Если можно назвать капризом правомочное требование — горячий кофе или чай, которые категорически должны быть на съемочной площадке. Здесь есть один закон — производство, а оно капризов не любит.

Я счастливый человек, мне удалось сыграть абсолютно разных героев. Я очень удивляюсь, когда мне говорят: "Вы так много сыграли людей в погонах". Я пересчитал, у меня их получается четыре — не так много.

— И в армии, конечно, тоже служили?

— Я пришел в 16 лет в военкомат и говорю: "Иду в Афган!" Меня спрашивают: "А тебе лет-то сколько?" — "Шестнадцать". — "Ты чего, дурак? Подожди два годика". А я отвечаю, что у меня потом времени не будет, а сейчас — есть. Я от армии не косил. Просто так, как я сказал, так и получилось — через два года времени уже не было. Я приезжал потом на какие-то медкомиссии, выяснял отношения и так и не попал в армию.

Как-то мама встретила военкома, и тот ехидно спросил: "Ну что, ваш в армию скоро?". Мама говорит "А ваш что, служит?" — "Нет". — "Ну как только ваш пойдет, так и мой следом". Я уверен, что для жизни проще отслужить два года, чем с такими потерями для здоровья служить в кино-армии. Но это счастливая профессия. Ты можешь быть кем угодно, ты можешь уметь все.

— Что будет следующим: артист Галкин сам снимет кино? Судя по всему, вы уже и на режиссуру замахнулись?

— Когда артист начинает снимать кино — один вариант... Я же учился у Владимира Хотиненко. Пошел конкретно к нему. Отец сделал с Володей несколько картин. Я очень люблю их две картины — отцовскую дипломную работу "И будем жить" — такой русский вестерн и дипломную работу Володи "Голос дракона в бездонном море". В Володе до сих пор сохранились задор, азарт.

— Вы не боитесь, что режиссер "забьет" актера? И, раз почувствовав себя хозяином на площадке, уже не сможете вернуться к зависимому состоянию.

— Актерская профессия не может стать неинтересной, может быть неинтересен материал.

— И кто же автор сценария вашего будущего фильма?

— Два автора: я и... кто — не скажу.

— Из суеверия?

— От суеверия меня вылечили очень давно. У меня есть духовный отец Владимир, который мне сказал, что суеверие — грех, вера всему.

— То есть и семечки можете на съемочной площадке грызть?

— Я люблю семечки. А то противно: приезжаешь на автозаправку, и первое, что хочется сделать, — закурить. Потом все эти суеверия — что семечки нельзя грызть, что на сценарий надо обязательно садиться, если он упал... Я помню, Екатерина Сергеевна Васильева (моя крестная мать), выходя как-то из машины, уронила сценарий — он упал в лужу. И она тут же села в эту лужу. Я бы точно не сел.

— Но сотый-то кадр празднует?

— Из давних актерских традиций осталась только тарелка, которую быт перед началом съемок о штатив камеры. А все "отмечания" — сотый, двухсотый, трехсотый кадр — лишний повод выпить.

— То есть у вас вредных привычек нет никаких. (Весь разговор Галкин курил не переставая. — Авт.)

— Как говорят: лучше пить. Курить надо бросать, курю много и машинально. Иногда даже не замечаешь, как сигарета во рту оказывается.

Но я пытаюсь не курить в машине.

— Получается?

— Нет. (Смеется.) У меня еще одна проблема: я человек невнушаемый и даже самовнушением не могу себя заставить бросить. Я начал лет в четырнадцать, причем так, серьезно: первой, что я выкурил, была сигара. Чуть не помер. Я же понятия не имел, как их надо курить. Потом продавался "Голуаз" в мягких пачках, с сигарным табаком — сейчас таких нет. Я покупал их коробками!

— Говорите: лучше пить. А как у вас с этой профессиональной болезнью?

— Бывает, выпиваю. Но только не на публике. Я абсолютно уверен, что чем больше расстояние между артистами и зрителями, тем больше интереса у зрителей. Поэтому стараюсь не появляться в публичных местах. Больше четырех человек за столом — и я уже не могу. И стараюсь больше часа за столом не сидеть, потому что чувствую, что трачу время непонятно на что.

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ, Константин ШАВЛОВСКИЙ.